

Дина РУБИНА,
обозреватель «Новой»

Возвращаясь из поездки по Италии, в аэропорту Мальпены я прошла паспортный контроль и перед тем, как войти в салон самолета, сняла с тележки израильскую газету «Вести». Усевшись в кресло и открыв разворот, я увидела некролог по Лидии Борисовне Либединской, подписанный — спасибо друзьям! — и моим именем тоже.

Вдох застрял у меня в горле. Видимо, почувствовав мое внезапное оцепенение, сидевшая рядом подруга заглянула в газету, прочитала слово «скоростно», ахнула (она была знакома с Либединской)... и вдруг сказала: «Счастливая!» — у подруги мама уже полгода умирала в больнице, подключенная к медаппаратуре.

Затем всю дорогу я смотрела на облака, вспоминая, что каких-нибудь несколько недель назад мы все сидели за столом у нас дома, в Маале-Адумим, и я любовалась сидящей напротив нарядной, элегантной, как обычно, Лидией Борисовной, а позже, помогая убирать посуду, мой муж повторял: «Восьмьдесят пять лет! Какая острая память, какой взгляд ясный, какой великолепный юмор... Вот счастливая!».

В ней действительно в первую очередь поражали удивительная ясность мысли, сочетание доброжелательности с независимостью и абсолютной внутренней свободой.

Никогда не видела ее ворчащей, раздраженной, обозленной на что-то или кого-то.

Знаменитая, уже растрепанная фраза Либединской: «Пока мы злимся на жизнь, она проходит».

Однажды я услышала от нее:

— Моя бабушка говорила: «В молодости надо делать то, что хочется, а в старости НЕ делать того, чего НЕ хочется». И еще она говорила: «Запомни три НЕ: НЕ бояться, НЕ завидовать, НЕ ревновать. И ты всю жизнь будешь счастлива»...

Думаю, Лидия Борисовна Либединская, урожденная Толстая, была счастливым человеком.

Причем бабушкиному завету «не бояться» часто следовала в буквальном смысле слова.

— Лидия Борисовна! — восклицала я в очередной раз, обнаружив, что дверь квартиры не заперта. — Вы что, хотите, чтобы вас ограбили?!

Она невозмутимо отвечала: «Пусть лучше один раз ограбят, чем всю жизнь трястись от страха».

А когда однажды ей позвонил из Переделкина сосед по даче, траурным голосом сообщив, что ночью Либединских, взломав дверь, ограбили, она воскликнула: «Очень удачно, а то я как раз ключи от дачи потеряла...».

Мне повезло довольно тесно общаться с Лидией Борисовной Либединской в те три года, с 2000 по 2003-й, когда я работала в Москве. И после каждой встречи я с восхищением думала, что вот от такой бы старости не отказалась: истинная женщина до мельчайших деталей, Лидия Борисовна всегда выглядела так, словно именно сегодня ее должны были чествовать в самом престижном зале столицы. Бус, колец, серег и прочей бижутерии ко всем нарядам у нее было не меньше, чем у какой-нибудь голливудской дивы, разве что не бриллиантов и изумрудов, а любимых ею полудрагоценных

Однажды она уехала вот так, на зимние месяцы, в Израиль, и в Москве стало пусто. Я с работы позвонила в Иерусалим. Взял трубку Игорь.

— Как там моя Л.Б.? — спросила я. — Вы ее не обижаете?

— Кто же ее может обидеть, — сказал он. — Здесь вокруг нее три дочери — Тата, Лола и Ниночка. Я их вожу по всей стране с утра до вечера. И всем говорю, что у меня сейчас не машина, а Малый театр: сразу «Три сестры» и «Гроза».

И мы одновременно рассмеялись — неугомонность и страсть к путешествиям и поездкам «тешеньки» была общеизвестна. Обожаала разъезжать по Израилю. В Иерусалиме, просыпаясь по утрам, спрашивала: «Ну, куда сегодня едем?».

Домашние старались украсить ее «курортные зимы» поездками, встречами, интересным гостеванием... Как-то Игорь договорился о вечере Либединской в одном из муниципальных домов для пожилых репатриантов. Лидия Борисовна с успехом выступила, ей вручили небольшой гонорар. Она была чрезвычайно довольна. По пути к машине споткнулась о бор-

О Лидии Борисовне Либединской, урожденной графине Толстой

уральских самоцветов в се-ребре, львиную долю кото-рых она покупала в лавочке рядом с домом, в Лаврушинском.

Вообще тратила деньги со вкусом и удовольствием. Зять, Игорь Губерман, говорил бывало: «Моя теща ходит со скоростью ста шекелей в час», — это, разумеется, измерение скорости на те зимние месяцы, когда Лидия Борисовна оказывалась в Иерусалиме, где живут две дочери и целый отряд внуков и правнуков.

Она вообще любила и понимала толк в красивых вещах, не обязательно дорогих, и дарить любила, и как-то всегда подарок приходился в самое яблочко. Я сейчас хожу по дому и то и дело натыкаюсь на подарки Лидии Борисовны, ставшие любимыми обиходными вещами, привычными глазу и руке.

дюр тротуара — но обошлось, не упала! — и спокойно сказала: «Глупо, имея такие деньги в кармане, ломать шейку бедра».

У меня нет ни малейшего сомнения, что гонорар был потрачен тут же на какую-нибудь восхитительную чепуху — подарки, сувениры, какие-нибудь бусы, кольца для салфеток...

В отрочестве в музыкальной школе я училась у строгой учительницы, одинокой и суровой старой девы, — она славилась не слишком перемонными педагогическими приемами. Чувствительно тыча острым пальцем мне между тощих лопаток, покрикивала: «Сидишь, как королева! Держи спину! От манеры держать спину зависит манера игры!».

Почему я вспомнила ее сейчас, когда пишу о Либединской?

Наша справка

Лидия Борисовна Либединская, урожденная Толстая, родилась в 1921-м в Баку, но с трех лет жила в Москве. Тогда же, в 1924-м, и случилась ее литературный дебют: сказку, сочиненную трехлетней девочкой, напечатала «Вечерка».

Впрочем, призванием Лидии Борисовны стала не художественная, а документальная проза: литературовед, исследователь, она писала о Блоке и декабристах, о Горьком и Герцене, о своих современниках (первая книга воспоминаний «Зеленая лампа» вышла еще в 66-м) — ведь судьба сводила ее с Крученых, Пастернаком, Ахматовой, Цветаевой, Михаилом Светловым и множеством других «главных людей эпохи».

Отец Лидии Борисовны был из графского рода Толстых; впрочем, о своем родстве с великим писателем и вообще об аристократическом происхождении она упоминала нечасто. Не из страха (хотя в 37-м году отца, работника Госплана, репрессировали) — она и в новые времена отказалась войти в дворянское собрание.

Вообще Лидия Борисовна, прожившая долгую и трудную жизнь, мать пятерых детей (внуков — 14, правнуков — 20), до последних дней сохранявшая острый ум, отточенный юмор и необычайную живость, была чужда любого пафоса. Ее не стало в мае 2006-го.

33-34
21.